

Л.С. Марсадолов

САКРАЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО ВОЖДЕЙ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН САЯНО-АЛТАЯ В 1 ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Не только в оседлых цивилизациях Передней Азии, Средиземноморья, Китая и Индии в 1 тысячелетии до н.э., но и у древних кочевников были свои выдающиеся, а ныне безымянные политики, воины, мудрецы и мастера. Соединить в единое целое наиболее важные сферы жизни и смерти мог в большинстве случаев лидер — вождь кочевых племен.

Судя по многочисленным археологическим фактам, в основные сферы лидерства вождей кочевников входили: *сакральная (вождь-жрец), военная, социальная, экономическая и геополитическая.*

В военной сфере вожди в большинстве случаев были одними из самых физически сильных, подготовленных и хорошо вооруженных воинов. Довольно часто вожди имели оружие с сакральными изображениями (Келермес, Аржан—2, Иссык, Филипповка, Чертомлык и др.).

В социально-экономическом отношении это были самые богатые и уважаемые люди, не только в своем регионе, но и в соседних, о чем наиболее наглядно свидетельствуют погребальные памятники — большие курганы Саяно-Алтая.

Военная и социально-экономическая сферы вождизма наиболее хорошо изучены археологами, поэтому почти не рассматриваются в этой статье. Особо следует остановиться на пока недостаточно осознанных и изученных сакральных и геополитических аспектах лидерства вождей кочевников, реконструируемых по археологическим памятникам Саяно-Алтая.

Сакральность, с одной стороны, основывается на божественной предопределенности власти правителя, а с другой — на сумме сохра-

няемых тайных знаний, которыми обладает лидер и которые мало доступны рядовым кочевникам. Во многих реконструируемых нами фактах эта сфера предполагает познания в сложных обрядах, астрономии, нумерологии, метрологии (математике, геометрии), сакральном «ландшафтоведении», т.е. своеобразном древнем «фэн-шуй».

Китайские историки зафиксировали, что в хуннское время правитель-шаньюй «утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру поклоняться луне. <...> Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают» [Бичурин 1950: 50].

Солнце и Луна играли огромную роль и в погребальном обряде, в конструкции и выборе места для расположения больших курганов Саяно-Алтая в окружающем ландшафте. «Рожденный Небом и Землею, поставленный Солнцем и Луною, Хуннский Великий Шаньюй» [Бичурин 1950: 58] — таков позднее был титул правителя хуннов. В Аржане-1, Салбыке, Туэкте-1, Башадаре-2, Пазырыках мы находим более раннюю ступень материализации этого сакрального титула кочевых правителей-жрецов Центральной Азии.

Древние жрецы, среди которых часто были и вожди, по образному выражению Дж. Фрэзера, своеобразные «ученые древнего мира», могли показать рядовым кочевникам наиболее важные созвездия и обучить их основам астрономических знаний, прежде всего при подготовке и проведении ритуальных действий. Они наблюдали за основными моментами восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий, зимнего и летнего солнцестояний, а также за основными фазами высокой и низкой луны. Пригласить «астронома», «архитектора» и их помощников могли только вожди, их родственники, знатные и богатые люди кочевых племен.

Около поселка Аржан в Туве большие *округлые* курганы сооружали по линии СВ-ЮЗ и *ориентировали по Солнцу* — на высокую точку восхода в день летнего солнцестояния и низкую точку захода солнца в день зимнего солнцестояния. «Цепочка» *квадратных* «курганов-пирамид» в Салбыке в Хакасии ориентирована по линии СЗ-ЮВ — по направлению *восхода* и *захода Луны*. Курганы пазырыкской культуры Алтая, как правило, расположены меридионально — *«цепочкой» по линии север-юг*. Таким образом, даже ориентировка больших курганов может служить дополнительным и важным критерием для подразделения крупных регионов археологических памятников и свидетельствует об умении вождей сохранять не только свое этническое,

политическое, экономическое своеобразие, но и не менее важные древние сакральные знания.

Геополитическая сфера предполагала умение вождя и его помощников оперативно и правильно ориентироваться в быстро меняющейся обстановке не только в своем и в соседних районах, но и в стратегически важных удаленных регионах.

Использование коня в качестве транспортного колесничного и верхового средства передвижения значительно ускорило и расширило связи народностей с различным уровнем сакральной, социальной, политической и экономической организации. *Великий евразийский степной путь* как сумма отдельных, часто независимых от других регионов, «эстафетных» участков дорог и троп, проходящих по степному поясу от Тихого до Атлантического океанов, возникший в эпоху бронзы и функционировавший позднее, способствовал торговому обмену, широкому распространению жизненно важных мировоззренческих идей, гармоничных художественных образов, передовых изобретений в технике, вооружении, конском снаряжении.

Не только интуитивно, но и осознано древние кочевники под руководством и контролем вождей прокладывали наиболее рациональные транспортные и хозяйственные пути, искали наиболее значимые точки в данном регионе — районе — долине — урочище и т.д. Как большие современные поселки Саяно-Алтая располагаются в наиболее важных узловых точках дорог, так и в древности наиболее крупные курганы воздвигали вдоль таких же путей. Они свидетельствовали о «праве предков» на занятую территорию и служили путевыми ориентирами для проводников.

Археологами постепенно открываются и исследуются историко-культурные и географические центры на территории Азии (табл. 1). В этом процессе многогранных исследований наблюдается определенная «закономерность»: *чем древнее центр, тем позже он был открыт специалистами* [Марсадолов 2004].

«Центр Азии» ныне расположен в городе Кызыле в Туве, но на космическом снимке этого региона видно, что район Кызыла не образует в плане геометрической фигуры с четко выраженными очертаниями, там известно очень небольшое число исторических памятников. В 70 километрах к северу от современного центра Азии расположена довольно компактная, четко выраженная, подтреугольная в плане Турано-Уюкская котловина, ограниченная со всех сторон горными

Таблица 1

**Основные историко-географические центры
Азии и Саяно-Алтая**

Центр	Регион, памятник	Археологическая датировка	Автор и год исследования
Азии	Тува, «Аржан–1»	VIII–VII вв. до н.э.	М.П. Грязнов, М.Х. Маннай-оол, 1971–1974 гг.
Алтая	Горный Алтай, «Туэкта–1»	VI в. до н.э.	С.И. Руденко, 1954 г.
Восточного Алтая	Горный Алтай, «Пазырык»	V в. до н.э.	С.И. Руденко, М.П. Грязнов, 1929, 1947–1949 гг.
Хакасии	Хакасия, «Салбык»	Эпоха бронзы и V в. до н.э.	С.В. Киселев, 1954–1956 гг., Л.С. Марсадолов, 1992–2010 гг.

хребтами. В центре этого «треугольника» скорее осознанно, чем случайно, воздвигли курган Аржан–1. Геополитически важная и удобная для хозяйственной деятельности обширная долина на пограничье горных, таежных и степных регионов неоднократно привлекала внимание древних вождей и жрецов. Археологическая экспедиция М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова раскопала в 1971–1974 гг. Аржан–1 — самый большой в Саяно-Алтае курган VIII в. до н.э. [Грязнов 1980].

Диаметр каменной насыпи кургана достигал 120 м, а высота — до 4 м (рис. 1: 1). «Царь и царица» (вождь союза племен и его жена или наложница) и еще 8 человек были захоронены в центральной, наиболее сакральной части кургана. Углы внутреннего и внешнего срубов в центре кургана также были связаны с направлениями восхода-захода Солнца и Луны в астрономически значимые дни. Дополнительные погребения людей расположены в противоположных точках: на СВ (1–2 человека) — самой высокой точке *восхода летнего солнца* и на ЮЗ (4 человека) — самой низкой точке *захода в день зимнего солнцестояния*.

В кургане Аржан–1 довольно четко прослеживается трехчленная вертикальная структура — *верхний мир* (небо = каменная насыпь), *средний* (центр, погребения людей и коней, деревянная конструкция) и *нижний мир* (подстилающая земля и ниже). Число коней, погребен-

ных в отдельных камерах кургана Аржан, также отражает определенную календарную символику. Наибольшее количество захороненных коней находится в восточной части кургана: $30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90$ коней = 3 месяца. Всего в Аржане погребено около 160 коней + 15–20 хвостов коней под полом центральной камеры = около 180 = полгода. В целом курган Аржан–1 является не только сложным погребально-поминальным объектом, но и своеобразной «моделью мира» (мандалой) древних кочевников Центральной Азии.

Центр Хакасии. В 1954–1956 гг. экспедиция С.В. Киселева раскопала Большой Салбыкский курган в центре Хакасии [Киселев 1956]. Этот курган является самым крупным мегалитическим объектом в Сибири, для сооружения которого были использованы и огромные камни из более древних святилищ.

На самом высоком и издавна сакральном участке обширной Салбыкской долины в V в. до н.э. было выбрано место для погребения знатного вождя, *тело* которого с соблюдением сложных ритуалов необходимо было *предать Земле*. С расчетом на дальнейшее Возрождение души усопшего вождя необходимо было отправить вверх на Небо, а для этого в первую очередь нужно знать правила перемещения небесных светил — Солнца и Луны не только вообще, но именно около места погребения правителя.

Основная могила в Большом Салбыкском кургане смещена в западную половину объекта (рис. 1: 3). Центр кургана, вероятно, продолжительное время оставался свободным, что позволяло проводить длительные астрономические наблюдения, а затем установить высокие вертикальные стелы ограды в значимых точках, соответствующих астрономически важным дням.

Археологи различают два «входа» в курганах тагарской культуры — во внешнюю каменную ограду и во внутреннюю деревянную погребальную камеру. «Вход» в каменную ограду кургана сооружали с востока или северо-востока. Дромос к центральной погребальной камере вел с противоположной западной стороны. По более поздним верованиям многих народов Сибири, «души умерших расходились по двум дорогам. Вход в нижний мир находился в стороне заката солнца, а в верхний небесный мир путь уходил в сторону солнечного восхода» [Кызласов 1985: 71].

Астроархеологические исследования, проведенные Саяно-Алтайской экспедицией в 1990-е годы на Большом Салбыкском кур-

гане, показали, что сакрально-научные представления у тагарцев 2500 лет назад были гораздо сложнее [Марсадолов 2007], чем ранее предполагали археологи.

У южной стены дромоса захоронили два человека, головой на восток. Правые руки погребенных были «переплетены» между собой. С.В. Киселев считал, что «это была охрана для вождя, погребенного в сруб, его слуги, один из которых лежал в явно подчиненной позе». На современном уровне знаний можно отметить, что в древности все было гораздо сложнее и, вероятно, это были не просто «слуги».

Двоих мужчин уложили в ритуальных позах и ориентировали их головой на восток — на восход солнца, сторону возрождения; а ногами на запад — в сторону заката солнца и смерти. Мужчина, расположенный в южной части, лежал на спине, «лицом вверх, в Небо», с вытянутыми вниз вдоль тулова руками, с ножом на «поясе», рядом с кистью левой руки. У другого человека, лежащего на животе, «лицом вниз, в Землю», левая рука была согнута под углом в 45 градусов и «касалась» его правого плеча, а также, не исключено, что и рядом лежащего мужчины. У пояса находился череп лисы или собаки, а также остатки меха, возможно, меховой сумочки, шкуры или хвоста животного (к сожалению, остатки меха не были детально изучены).

В Хакасии лису ценили не только как промыслового зверя за ценный и красивый мех, но и за ее необычные качества. Хвост, мех, а иногда и голову лисы использовали не только как украшение в одежде, но и как подвески для костюма и бубна шамана как его могучих «помощников» в странствиях по иным мирам.

Необычность позы погребенного человека — лицом вниз, с одной согнутой рукой, с черепом лисицы или собаки около пояса — позволяет предполагать, что здесь был погребен жрец или шаман, который должен был помочь вождю и его родным в «странствиях» в подземном мире. Одна его рука тесно переплетена с рукой его «друга и помощника», а другая — касается его плеча.

Не исключено, что уже здесь прослеживаются одни из первых признаков разделения «сфер влияния» духовных помощников вождя — на небесную и подземную области. В дальнейшем у народов Сибири это найдет более четкое отражение в их «специализации» — подразделении шаманов на «белых» и «черных». Белое шаманство больше связано с Небом, его сферами и духами, а черное — с подземным миром, его духами и властителями.

Добровольное это было погребение двух человек или принудительная смерть двух подчиненных — еще предстоит выяснить археологам, антропологам, этнографам и культурологам. Добровольно уйти из жизни или по традиционным обычаям своего племени могли не только жены или наложницы, но в качестве «помощников» и жрецы-шаманы, старые и молодые воины, друзья и слуги, чтобы в будущем возродиться вместе со своим могущественным правителем. На территории Саяно-Алтая в более раннее время, в VIII в. до н.э., семантически близкий ритуал прослежен в соседней Туве, в кургане Аржан—1, где рядом с правителем-вождем были захоронены 15 человек — знатные пожилые мужчины и молодой воин [Грязнов 1980: 45—46].

В целом в Салбыке правитель был погребен в яме (*символе Земли, Смерти*), отделенной *красноватой* глиной от деревянного сруба-усыпальницы, накрытого сверху малой *белоснежной* пирамидой из бревен (*символе Жизни*). Временное деревянное ограждение заменили постоянной каменной оградой *красновато-телесного цвета* (*Символом Вечности, Жизни, Крови*). Большая, сложная по структуре, *зеленая сверху, земляная* насыпь пирамидальной формы была устремлена вверх — *в Небо, через Смерть к новой Жизни* (рис. 1: 4).

В Центре Алтая находятся изученные экспедицией С.И. Руденко широко известные большие Туэктинские курганы (рис. 1: 2) [Руденко 1960].

Центр Восточного Алтая маркируют знаменитые Пазырыкские курганы, относящиеся к V в. до н.э., исследованные С.И. Руденко и М.П. Грязновым [Грязнов 1950; Руденко 1953]. В 1947—1948 гг. С.И. Руденко раскопал большой курган № 2, в котором были погребены мужчина 50—60 лет ярко выраженного монголоидного типа и женщина старше 40 лет европеоидного облика [Руденко 1953]. Вождь из Пазырыка—2 был человеком большого роста и огромной физической силы, настоящим богатырем-батыром, украшенным татуировкой, что неоднократно отмечали С.И. Руденко и М.П. Грязнов.

В Пазырыке—2 было захоронено наибольшее число тонконогих высокорослых коней, которые могли быть приведены только с юго-западных регионов и имеют сходство с конями, изображенными на рельефе из Ксанфа в Ликийи на территории современной Турции [Витт 1952], ныне датируемом 470—450 гг. до н.э. [Никулина 1994: илл. 21].

Рельефное зеркало из белого металла, изготовленное в Индии и найденное в Пазырыке—2, имеет близкие аналогии с зеркалами

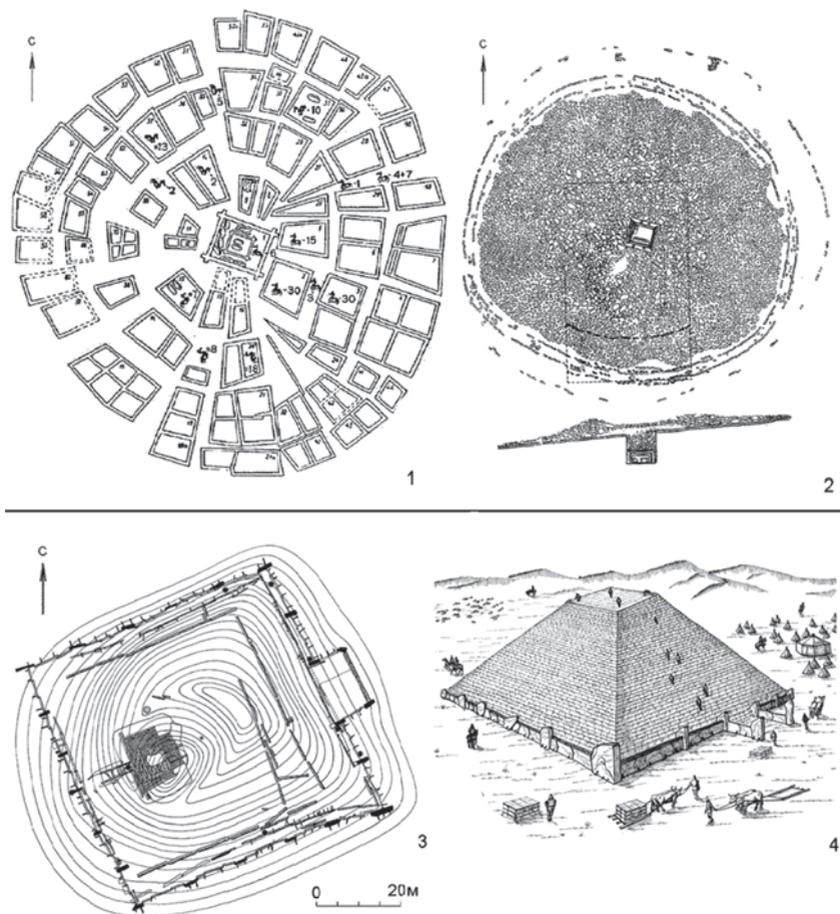

Рис. 1. Археологические памятники в «ключевых» точках Саяно-Алтая: 1 — «Центр Азии», Тува, курган Аржан—1; 2 — «Центр Алтая», курган Туокта-1; 3—4 — «Центр Хакасии», Большой Салбыкский курган (3 — план, 4 — реконструкция процесса сооружения). По материалам М.П. Грязнова (1), С.И. Руденко (2), С.В. Киселева (3) и Л.С. Марсадолова (4).

из курганов Рогозиха I и Локоть—4 в Верхнем Приобье, с бронзовым зеркалом из Мечетсайского кургана в Приуралье (исследования С.И. Руденко, К.Ф. Смирнова, Т.М. Кузнецовой, А.П. Уманского, П.И. Шульги, Л.С. Марсадолова, Б.И. Маршака, Я.В. Василькова и др.). Возможно, этот факт указывает на поступление таких зеркал и других предметов по торговым путям в весьма удаленные друг от друга регионы, но что более вероятно — на участие представителей разных регионов в переднеазиатских военных походах, может быть, даже в одно время.

Серебряные и золотые предметы ахеменидских мастеров ныне обнаружены в целом «пласте» близких по времени курганов вождей кочевников V в. до н.э. — в Пазырыке на Алтае, Семибратних на Кубани, Филипповке в Приуралье и в других регионах. В этих элитных курганах были найдены предметы импорта из Персии, которые могли быть привезены воинами-наемниками, если они принимали участие в военных событиях греко-персидской войны, когда персы широко использовали помощь воинов-саков, скифов и других кочевников.

О «дальних родственных» связях между Алтаем и Кубанью свидетельствует сходство не только отдельных предметов, но и погребального обряда с захоронением человека с конем в одной яме (восточная ориентировка человека, положение на спине и т.д.), что прослеживается только в ранних Пазырыкских и Семибратних курганах середины V в. до н.э. [Марсадолов 1987].

Предметов греческого импорта V в. до н.э. в памятниках Алтая пока не найдено или они пока не опознаны. В Пазырыке—2 на деревянном навершии головного убора вождя были вырезаны скульптурные изображения голов грифонов, близких по своему облику к таким же образам на рукоятях греческих мечей, известных и по находке из 3-го Семибратнего кургана, на что уже обратили внимание многие ученые [Асагпай 1959; Артамонов 1973; Марсадолов 1987: 32, 35; Баркова 1987: 26 и др.].

В кургане Кутургунтас была найдена деревянная головка лошадки [Полосьмак 1994: 89]. С одной стороны, эта лошадка вроде бы близка к сейминско-турбинским прототипам эпохи бронзы, но их разделяет огромный хронологический разрыв. С другой стороны, стилистически близкие приемы оформления головы и гривы коня характерны для греческой скульптуры и мелкой пластики VI—V вв. до н.э.

Вероятно, вождь пазырыкских племен был убит в бою, с него сняли скальп, а погребение его мумифицированного тела послужило

основой для сооружения «цепочки» курганов в Пазырыке, в удаленном северо-восточном районе Алтая [Марсадолов 1984]. Версия об участии вождя-жреца (из самого раннего 2-го кургана в урочище Пазырык) в одном или нескольких переднеазиатских и других походах, о богатых «трофеях» имеет много дополнительных подтверждений. Об этом прежде всего свидетельствует сопровождающий его погребальный «инвентарь»: высокопородистые кони, которые не могли быть выведены на Алтае, индийское зеркало, переднеазиатские серебряные накладки на пояс, золотая серьга с зернью и инкрустацией из голубой пасты, различные бусы и разноцветный бисер, рубаха из полотна, сотканного в более южных от Алтая регионах, разноцветные ткани, медные штампованные украшения, столик с точеными ножками, семена кориандра и конопли, металлические курительницы и «столик» из камня. И это лишь остатки богатства вождя, которые удалось найти археологам в ограбленном кургане.

Несмотря на то что на Алтае раскопано 14 больших и более 800 средних и малых курганов VI–IV вв. до н.э., такого обилия и разнообразия импортных предметов, как в Пазырыке—2, более найти не удалось, особенно переднеазиатских изделий и местных подражаний, выполненных под их влиянием. Конечно, Пазырыкские курганы также отличались сложностью и сакральностью погребальных ритуальных действий [Савинов 1996 и др.].

Если в VII в. до н.э. кочевники в основном нападали на страны Передней и Малой Азии, то во второй половине VI в. до н.э. в связи с образованием новой Ахеменидской супердержавы ситуация в Евразии существенно изменилась [Марсадолов 1985, 1996; Савинов 1991; Мартынов 1999; Тишкин 2007 и др.]. Большие массы оседлых и кочевых народов Азии были вовлечены в столкновения и переселения, что не могло не отразиться на племенах Алтая и соседних с ним территориях. Возможно, в конце VI в. до н.э. «импульс» из восточных областей, в том числе и с Алтая или соседних с ним регионов, способствовал изменениям в материальной культуре и в этническом составе Европейской Скифии [Алексеев 1991: 52–54].

Не исключено, что события греко-персидской войны (500–449 гг. до н.э.) также могли оказать значительное влияние на евразийские племена, частично в них вовлеченные. Сакские воины неоднократно в VI–V вв. до н.э. участвовали в войнах на стороне персидских войск. В таком далеком сражении 479 г. до н.э. около города Платеи в Греции отличилась сакская конница, которая была

на стороне персов, хотя эту битву и выиграли греки [Геродот 1993, IX: 71].

Вождю из кургана Пазырык–2 было 50–60 лет при его погребении в середине 450-х годов до н.э. Во время битвы при Платее ему могло быть 25–35 лет (479 – 25 = 454 г. до н.э.). Обычно в таком возрасте молодые воины наиболее активно участвуют в различных военных акциях и походах. Если со временем подтвердится абсолютная дата сооружения Пазырыка–2 — около 455 г. до н.э., проверенная по дендрохронологии, по археологическим находкам и другими методами [Марсадолов 1996: 51], то с большей долей определенности можно будет утверждать об участии этого вождя в греко-персидской войне.

Возможно, именно этим объясняется «резкий взлет классического искусства» кочевников Алтая в середине V в. до н.э., особенно, во 2-м и 1-м Пазырыкских курганах.

После Каллиева мира, заключенного Грецией и Персией в 449 г. до н.э., между эти странами на долгое время установились дружеские отношения. В Персии стало гораздо меньше наемников-кочевников, которые после этих событий устремились в Китай, ослабевший от междоусобных войн. Поэтому в 3-м и 5-м Пазырыкских курганах, датироваемых нами около 420–400 годов до н.э., китайский импорт и изобразительный стиль постепенно начинает преобладать над отдельными переднеазиатскими предметами, в основном тканями и коврами, которые частично могли сохраниться и с более раннего времени [Марсадолов 2008].

Вышеприведенные факты служат доказательством того, что вожди Саяно-Алтая владели геополитической ситуацией, быстро реагировали на изменения в окружающем их мире, лидировали не только в военной, социальной, экономической, но и в сакральной сферах.

Библиография

Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. Л., 1991. Вып. 31.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. Л., 1987. Вып. 28.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № XVI.

Геродот. История. В 9 кн. М., 1993.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956.

Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение. Памяти учителя // СА. № 3. 1985. С. 65–71.

Марсадалов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25.

Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1985.

Марсадалов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ. Л., 1987. Вып. 28.

Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.

Марсадалов Л.С. Вклад С.И. Руденко и ленинградских археологов в изучение больших курганов Центральной Азии // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004.

Марсадалов Л.С. Палеоастрономические аспекты Большого Салбыкского кургана в Хакасии // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2007.

Марсадалов Л.С. Контакты Саяно-Алтая и Китая в VIII–IV веках до н.э. // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008.

Мартынов А.И. Первичные цивилизации и скифо-сибирский мир (система взаимоотношений) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М., 1994.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.

Asarpay G. Some classical and Near Eastern motifs in the art of Pasyryk // *Artibus Asiae*. 1959. Vol. XXII, 4.

Список сокращений:

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

СА — Советская археология.